

УДК 316.66; 323.11

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРЫМСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Филатов А.С.

В статье анализируются общественно-политические процессы в Крыму, которые оказывают влияние на состояние межнациональных и межконфессиональных отношений. Обобщаются главные тенденции, содержатся рекомендации по достижению межнационального согласия, упрочения российской гражданской идентичности, стабилизации общественного развития. Автором показано, что в рамках российской социокультурной среды в Крыму созданы условия для этнокультурного самовыражения всех этнических групп, проживающих на полуострове.

Ключевые слова: этнокультурные отношения, субэтнос, демография, этнические группы, российская социокультурная среда.

С формально-статистической точки зрения, в Крыму существует три основные этнические группы: русские, украинцы и крымские татары. Истоки подобной этнической дифференциации следует видеть в демографических моделях, которые использовались коммунистической властью СССР в 20 – 30-е годы XX века, когда проводились кампании украинизации на Украине и татаризации в Крыму [См.: 1, 2]. С учётом того, что в Крыму политика украинизации открыто и в определённой степени открыто реализовывалась только в период 1991 – 2013 гг. (нахождение полуострова в составе независимого украинского государства, возникшего вследствие распада СССР) [См.: 3,4], глубоких различий между этническими русскими и метричными (записанными по метрике) украинцами отметить весьма сложно. Скорее, наоборот, в бытовой культуре, менталитете, мировоззренческих ориентациях, языке восприятия и общения, духовной культуре, конфессиональной принадлежности русские и украинцы в Крыму являются единым сообществом. По этой причине правильнее будет видеть в Крыму две основные этнокультурные (а не этнические) группы: русскую (русскокультурную) и крымско-татарскую.

Отмеченная проблематика определяет межэтнические отношения в Крыму как предметное поле исследования. С учётом того, что объектная направленность исследования видит социокультурное пространство Крыма в целом.

В пользу объединения в одну этнокультурную группу русских и украинцев в Крым говорят не только факты, полученные благодаря использованию метода наблюдения, фиксирующие общую для них этносоциальную платформу, в т. ч. лёгкость перехода из одной субэтнической позиции в другую, но и данные переписи крымского населения осенью 2014 г. О данных переписи поговорим позже, а сейчас стоит привести вполне реальный пример этнического транзита из русского в украинца и обратно. В конце 30-х годов прошлого столетия известный борец Иван Поддубный, поддавшись влиянию кампании по украинизации, поменял свою этническую принадлежность, объявив себя украинцем. Однако к концу жизни он вновь осознал себя русским казаком. Этот пример показателен для многих крымчан, которые во время украинской переписи 2001 г. обозначали себя украинцами по причине политической целесообразности и благодаря «украинским оттенкам» в своих фамилиях.

Результаты переписи 2014 г. в Крыму показали, что около 80% метричных украинцев родным языком назвали русский. Это является весомым свидетельством их русскокультурной самоидентификации. Но ещё большим свидетельством этнокультурной общности русских и украинцев в Крыму является в настоящее время полное отсутствие желания родителей обучать своих детей в украинских классах общеобразовательных учреждений. В этом же разряде следует рассматривать отсутствие выбора украинского языка для сдачи единого экзамена в школе даже в условиях украинского статуса Крыма. Также мониторинг и социологические опросы показывают, что на бытовом уровне украинский официальный язык, созданный в конце позапрошлого столетия и утверждённый во времена Советского Союза, фактически не используется. Украинцы в Крыму разговаривают либо на русском языке, либо на малороссийском наречии русского языка. Процент людей, разговаривающих в быту на официальном украинском языке, к тому же латинизированном и американизированном за последнюю четверть века, до осени 2014 г. исчислялся в Крыму тысячными долями за счёт инкорпорированных сюда в годы украинской независимости так называемых «свидомых» (сознательных) украинцев, главным образом – с Западной Украины. Практически все они после воссоединения Крыма с Россией уехали на Украину.

Если говорить об этническом выборе по переписи 2014 г. в сравнении с переписями 2001 г. (украинской) и 1989 г. (советской), то мы можем зафиксировать, что по последней переписи процент украинцев резко сократился. Если переписи 1989 и 2001 гг. показали приблизительно одинаковые проценты украинцев в крымском обществе – 25,75% и 24,01% соответственно, то в 2014 г. процент украинцев в Крымском федеральном округе опустился до 15,08. По переписи 1989 г. русских в Крыму было 67,05%, в 2001 г. – 60,4%. А в 2014 г. процент русских поднялся до 65,31. При этом процентное соотношение крымских татар по украинской переписи 2001 г. в сравнении с советской 1989 г. значительно изменилось в сторону увеличения по причине переселенческой политики в 90-е годы XX века – с 1,58% (1989 г.) до 10,22% (2001 г.). В количественном выражении русские в 2001 г. по отношению к 1989 г. потеряли чуть более 179 тыс., а украинцы

– всего 49 тыс. Такие же показатели в соотношении 2014 г. и 2001 г. дают уменьшение украинцев на 232 тыс. и увеличение русских почти на 42 тыс.

Имеющиеся пропорции показывают, что перепись 2001 г. зафиксировала «перетекание» русских в украинцев, а перепись 2014 г. обратный процесс – «перетекание» украинцев в русских. Потому что объяснить резкое падение процента русских в 2001 г. по сравнению с 1989 г. и практически сохранение процента украинцев в этих показателях увеличением численности крымских татар и изменением таким образом пропорций населения невозможно, именно по причине отмеченных несоответствий уровня падения численности между русскими и украинцами. Равно как и сравнительный анализ результатов переписи 2014 г. с 2001 г. в ещё большей степени демонстрирует такое крымское явление этнического транзита русских и украинцев, уже без какого-либо влияния демографического фактора крымских татар, процент которых даже уменьшился в 2014 г. по сравнению с 2001 г. : 10,17 к 10,22.

Переписи населения в отношении самоидентификации русских и украинцев показывают, что многие из них определяют свою этничность по стране проживания: если на Украине, то украинцы, если в Российской Федерации, то русские; в зависимости от политической конъюнктуры: совершают этнический транзит в расчёте на социальные дивиденды; ориентируясь на господствующие моральные стандарты в обществе: обретение этнического статуса по соображениям конформизма и этнических приоритетов государственной власти. Отмечаемая мобильность этнических перемещений русский – украинец показывает, что между этими субэтническими позициями не существует принципиальных этнокультурных различий и они располагаются на одной этнокультурной платформе, которую мы обозначаем как русскую или русскокультурную этнокультурную группу, или сообщество, Крыма. Этнокультурная общность русских и украинцев в Крыму в значительной степени объясняется и тем, что Крым в меньшей степени затронул процесс искусственного образования украинской нации как нерусской, начавшийся в конце XIX века в Галиции, подконтрольной Австро-Венгерской империи [См.: 5] и реализуемый в СССР, где украинство по инициативе В. Ленина получило возможность огосударствления в виде Украинской Советской Социалистической Республики.

Ещё один важный момент необходимо отметить, когда мы анализируем общее этнокультурное пространство русских и украинцев в Крыму. Речь идёт о высокой степени лабильности этих субэтнических групп в рамках данного пространства: русские меняют этническую (но не этнокультурную) ориентацию на украинцев (как правило, по политическим мотивам), а метричные украинцы без каких-либо глубоких внутренних психологических переживаний становятся русскими (причём не только по политическим мотивам). Последний тип перехода наиболее распространён, и мы это видим в сравнительном анализе данных переписей 2001 и 2014 гг. Особо хотелось бы отметить, что подобное явление свойственно не только для Крыма, но и для всей территории общего проживания русских и украинцев, в т. ч. и для современной Украины в её нынешних границах. Подобные свойства субэтнического транзита в рамках одной этнокультурной общности –

русскокультурной – характерны и для белорусов, как в отношении с этническими русскими, так и с этническими украинцами.

Что касается политической установки, то здесь общность русских и украинцев в едином этнокультурном пространстве Крыма проявляется ещё более наглядно. Достаточно сослаться на результаты крымского референдума 16 марта 2014 г., подтвердившего установку на воссоединение с Российской Федерацией. И если политики Европы и Северной Америки ещё пытаются поставить под сомнение это знаменательное для Крыма и всей России событие, то практически все ведущие мировые исследовательские центры признают достоверность крымского референдума [См.: 6].

В соответствии с результатами референдума в Крыму в марте 2014 г. в нём приняли участие: в Автономной республике Крым – 83,1%, в Севастополе – 89,5% избирателей. Сравнительный анализ процедур голосования в современных обществах показывает, что средняя степень абсентеизма составляет 10 – 15 %. Собственно говоря, это те лица, обладающие избирательным правом, которые в силу своей субъективно-психологической мотивации отказываются принимать участие в голосовании¹.

Таким образом, выходит, что в Севастополе процент абсентеистов полностью соответствует сложившейся мировой практике. В АРК он несколько выше за счёт того, что в преддверии крымского референдума активную агитацию против волеизъявления крымчан проводили члены нелегальной крымско-татарской организации «курултай-меджлис» и телеканала АТР, позиционирующего себя как «первый крымско-татарский телеканал». Однако эти усилия не привели к массовому игнорированию крымскими татарами референдума в Крыму: количество абсентеистов из их числа вряд ли превысило 20 процентов. И это с учетом так называемых традиционных абсентеистов, вне зависимости от этнической принадлежности.

Возвращаясь к характеристике русскокультурного сообщества Крыма, состоящего из этнических украинцев и русских, мы можем отметить, что в нём была продемонстрирована общая политическая установка и на участие в референдуме, и в выборе воссоединения с Российской Федерацией, за что проголосовали в Автономной республике Крым 96,77%, а в Севастополе 95,6% голосовавших избирателей. В настоящее время именно пророссийская позиция русского этнокультурного сообщества (включая метричных украинцев, как было отмечено выше) является основополагающей и доминирующей в системе политических установок данной социальной группы крымчан. Все другие политические установки – партийные, отношение к органам власти, оценки экономической и культурной политики – выступают как вторичные.

¹ Естественно, что при данном анализе мы не рассматриваем общества с тоталитарными политическими режимами и с обязательным участием в голосовании, принятом в ряде европейских и азиатских государств. И ещё: в данном случае речь идёт об участии в референдумах и плебисцитах, решающих жизненно важные вопросы для общества, но не о выборах органов власти, где, особенно на местном уровне, процент участвующих в голосовании значительно ниже.

Вторая из основных этнокультурная группа в Крыму – крымские татары. Хотя в процентном отношении крымские татары значительно уступают русскокультурному сообществу Крыма – 12,14% против более 82%, – тем не менее по целому ряду признаков эта группа должна быть обозначена как вторая основная этнокультурная группа Крыма. Во-первых, ближайшая по численности к крымским татарам этническая группа армян в Крыму столь незначительная (0,48%), а общая численность этнокультурных групп (около 20), за исключением русской и крымско-татарской, составляет 7,8%, что выделяет крымско-татарское этнокультурное сообщество на их фоне и требует отдельного анализа в контексте этнической структуры Крыма.

Во-вторых, крымские татары позиционируют себя в качестве сугубо крымского этноса и претендуют на особый статус в Крыму как коренной народ. На основе этого строится высокая социально-политическая активность крымских татар. В-третьих, крымско-татарское сообщество начиная с конца 80-х годов прошлого века находится под пристальным вниманием различных западных (главным образом – из США) учреждений, служб, организаций и фондов, которые стремятся в своих политических и геополитических интересах использовать активность крымских татар.

В системе этнокультурных ориентиров крымских татар следует выделить четыре вектора, два из которых являются достаточно заметными и в определённой степени природными, социогенетическими. Два других – скорее, моделируемые, искусственные и слабо присутствующие в социальной реальности.

Доминирующим вектором в этнокультурном пространстве крымских татар является ориентация на уникальность этноса, особость его не только среди тюрков, но и среди всех татар, отличие, прежде всего, от волжских (казанских) татар. В пользу таковой особенности приводят аргументы этнографического и антропологического характера. Известно, что в состав крымских татар входят три субэтнические подгруппы: южнобережцы (ялыбойлу), горцы (таты) и степняки (ногаи). При этом все они относятся к разным антропологическим расам. Ялыбойлу, традиционно проживающие на Южном берегу Крыма (главным образом в районе Судака), относятся к южноевропейской или средиземноморской расе, таты, или татлы, принадлежат к средневропейской и северокавказской расе, а для ногаев характерны черты монголоидности с преобладающей европеоидностью. Именно такое разнообразие этнографического материала создаёт, с точки зрения сторонников уникальности крымско-татарского этноса, особую этнокультурную среду крымских татар. Вследствие такого подхода возникает, возможно, как побочный эффект, состояние если не самосегрегации, то этнокультурной сепаративности крымских татар.

Сепаративный вектор этнокультурной ориентации крымских татар усиленно внедрялся в этом сообществе последнюю четверть века, чему способствовал и ряд псевдонаучных исследований. Детально рассматривать эту проблему не предполагается в данной статье, потому мы ограничимся лишь констатацией этого факта. Но следствием его стало и то, что крымские татары в массе своей перестали связывать свою историю с Золотой Ордой, государствами Чингизидов и самим

Чингисханом. В различных крымско-татарских этнических изданиях, в публицистических работах, политических заявлениях обозначалась ориентация на культурное наследие древних крымских этносов: тавров, скифов, готов... [См.: 7].

Во многом такая трактовка этногенеза стала доминирующей в крымско-татарской среде по причине стремления добиться этнической государственности или, как минимум, автономии в Крыму. Эта политическая цель могла быть обоснована статусом коренного народа. Правда, зачастую сторонники крымско-татарской этнической автономии на территории всего Крыма (м б., за исключением Севастополя) обращались в поисках обоснования своих намерений к периоду существования Крымской АССР² 1921 – 1945 гг. в составе РСФСР. Иногда подобные ссылки можно встретить и у поборников образования крымско-татарского этнического государства на территории Крымского полуострова и юга Херсонской области, в частности у представителей т. н. «меджлиса крымско-татарского народа». Однако такие притязания имеют не больше оснований, нежели попытки определить социокультурную связь современного крымско-татарского сообщества с историческими общностями тавров, скифов, готов и понтийских греков. И дело тут не только в названии автономной Советской социалистической республики – Крымская, которое не несло в себе этнического смысла, а имело сугубо территориальную привязку.

Основной аргумент в пользу того, что Крымская АССР была не просто территориальной, а русской автономией, мы находим при анализе существования национальных районов в СССР в 20-30-е годы прошлого века. Так вот, национальные районы создавались в национальных республиках для нетитульных этнических групп. Русские национальные районы, например, создавались в союзных и автономных национальных республиках и округах – УССР, Каз.ССР, Татарской АССР, Башкирской АССР и др. т. п. Украинские национальные районы были на территории РСФСР (на Урале). Какие же национальные районы существовали на территории Крымской АССР? Их было несколько – ни одного русского. Два еврейских (Лариндорфский и Фрайдорфский), два немецких (Биюк-Онларский и Тельмановский), один украинский (Ишуньский/Красноперекопский) и шесть (!) крымско-татарских (Алуштинский, Балаклавский, Бахчисарайский, Куйбышевский, Судакский, Ялтинский). Русских национальных районов в Крымской АССР не было по той же причине, что и в Оренбургской или Воронежской областях, которые входили в состав РСФСР, которая рассматривалась как союзная республика с титульной русской нацией. В пользу русской территориальной автономии Крымской АССР говорит и тот факт, что по такому же принципу была создана в 1923 году Нагорно-Карабахская автономная область как армянский этнический анклав на территории Азербайджанской ССР. Крымский полуостров, исходя из отделённости его от территории РСФСР Керченским проливом, также подпадал под статус этнического анклава – русского.

Тем не менее представления об уникальности крымско-татарского этноса и отличие его от других татар – поволжских, сибирских, астраханских – являются

² До 1929 г. Автономная Крымская ССР в составе РСФСР.

наиболее распространёнными в современном крымско-татарском сообществе и определяют сепаративный этнокультурный вектор. В процентном выражении от общего количества крымских татар сторонников уникальности и особенности крымско-татарского этноса в привязке к крымскому культурному ландшафту будет более 80%. Другим заметным вектором этнокультурной ориентации является интеграционный, и связан он с самооценками и самоидентификацией крымских татар как части целостного татарского этноса. В этом случае степень поддержки данного вектора среди крымских татар определить можно более точно, на основе этнической самоидентификации при переписи населения. В 2001 г. во время украинской переписи в Крыму было зафиксировано 13062 человека, которые определили свой этнический статус как татары. Это составило 5,25% от общего количества татар в Крыму, если исходить из того, что количество волжских татар в Крыму весьма незначительно, а сибирских и астраханских нет вовсе. В 2014 г. уже в результате переписи населения в российском Крыму татарами себя идентифицировали 44996 человек, что составило 16,22% среди всех татар в Крыму, включая крымских.

Даже количество татар в 2001 г. невозможно объяснить массовой миграцией в Крым поволжских или астраханских татар. Органы статистики в 90-е годы прошлого века ничего подобного не фиксировали. Точно так же не было массовой миграции татар с материковой России или других регионов планеты в период с 2001 по 2014 г. Единственное, что мы можем предположить с достаточной степенью вероятности – это то, что сами крымские татары всё больше осознают себя частью целостного татарского этноса. Только этим можно объяснить рост численности татар в Крыму среди крымских татар более чем в три раза за 13 лет. Такой метод анализа, учитывающий при определении общей численности крымских татар в Крыму и тех, кто идентифицирует себя как татары, вполне обоснован, и его правомерность объясняется как динамикой роста общей численности татар в Крыму (крымских татар и татар) – с 258 893 в 2001 г. до 277 336 в 2014 г., так и снижением численности просто крымских татар – с 245 291 в 2001 к 232 340 в 2014 г. С учётом того, что естественной демографической убыли крымско-татарского населения за этот период не зафиксировано органами статистики Крыма, скорее, наоборот, то объяснить такой «разгул» цифр можно только корректировкой этничности самими крымскими татарами.

Нельзя исключать, что интеграционный вектор этнокультурной ориентации крымских татар стимулирован и воссоединением Крыма с Российской Федерацией. Осознавая себя частью большой страны, крымские татары стремятся интегрироваться и идентифицировать себя с родственным большим этнокультурным сообществом, каковым являются российские татары.

Следующие два вектора этнокультурной ориентации крымских татар слабо проявляют себя в нынешнем сообществе. Мы их обозначаем как моделируемые, потому что турецкий вектор моделируется исходя из определённых исторических аналогий, когда Крымское ханство с некоторыми автономными правами входило в состав Османской Порты, а южное побережье и район Керчи были под юрисдикцией Порты в статусе вилайета. Однако все этносоциологические

исследования фиксируют чрезвычайно низкий уровень влияния турецкого вектора на этнокультурное пространство крымских татар, а различные социологические опросы, при разнообразных методиках операционализации понятий, выстраивании переменных и использования индикаторов, демонстрируют приверженность крымских татар турецкому вектору в своей этнокультурной ориентации в границах статистической погрешности. Причём усилия этому вектору не придают ни крымско-татарская диаспора, существующая в Турции (представителей которых, правда, именуют крымскими турками, а не татарами), ни в целом турецкое общество и государство, которые за последние двадцать пять лет «блуждания» крымских татар в государственном устройстве Украины никак не воспользовались создавшейся ситуацией, ни сами крымские татары, которые в отмеченный период имели возможность к более чёткому позиционированию себя в рамках турецкого вектора.

И, наконец, четвёртый моделируемый вектор этнокультурной ориентации крымских татар является не просто искусственно образованным, но и чрезвычайно политизированным. Он представлен некоторыми политическими проектами, направленными на включение крымских татар в этнокультурную среду украинства. С учётом того, что само этнокультурное пространство украинства является искусственным образованием, поддерживаемым лишь политическими институтами и, прежде всего, государством (Австро-Венгерской империей, СССР и независимой Украиной) и в силу этого неустойчивым и аморфным в социокультурном измерении, то практически невозможно представить, как бы украинский вектор этнокультурной ориентации крымских татар смог воплотиться в социальной реальности. Единственными персонализированными его носителями за время, когда Крым находился в составе Украины, были некоторые деятели «меджлиса» и активисты этнических крымско-татарских организаций, существовавших на гранты из США и Евросоюза. Да и то вся их украинская векторность выражалась лишь в умении изъясняться на украинском языке.

Понятно, что два последних этнокультурных вектора в ориентации крымских татар являются в большей мере условными, равно как и условными в нынешней ситуации становятся любые связанные с ними политические установки. Примечательно, что ни одна из инициатив изгнанных из Крыма вождей «курултая-меджлиса» М. Джемилева и Р. Чубарова не нашла какой-либо очевидной поддержки среди крымских татар. Им даже не удалось сформировать подразделение из числа крымских татар для участия в карательной экспедиции украинских войск на Донбассе в 2014 г. Вначале такое подразделение было задекларировано как крымско-татарский батальон, затем, к моменту его «выхода» на публику, оно стало просто сотней и, в конце концов, к началу 2015 г. вовсе пропало из поля зрения, так и не продемонстрировав в своём составе крымских татар.

В плане политических установок для сепаративного и в этом смысле изоляционистского этнокультурного вектора крымских татар характерной является выжидательная позиция. Она стала достаточно очевидной уже в июне 2014 г. Однако постепенно в течение последующего времени, к началу 2015 г., здесь всё более преобладающими стали если не пророссийские, то совершенно не

антироссийские, умеренные политические установки. По некоторым данным наблюдений и опросов среди крымских татар, около половины из их числа позитивно оценивают исторический факт воссоединения Крыма с Россией. Остальные по-прежнему занимают выжидательную позицию. Скорее всего, на такие изменения в политических установках крымских татар повлияли следующие факторы: 1) политическая и социально-экономическая катастрофа на Украине, военные действия украинского государства против Донецкой и Луганской народных республик (крымские татары имеют возможность оценить степень украинского кризиса по сообщениям своих родственников и друзей, проживающих в Херсонской области и на своём личном опыте торгово-посреднической деятельности по доставке сельхозпродукции с Украины в Крым); 2) сильное российское государство, способное решать социальные проблемы и отвечать на вызовы современности (для крымских татар это и принятие закона «О реабилитации репрессированных народов Крыма», подписанного Президентом РФ 21 апреля 2014г.); 3) исторически сложившаяся черта этнического характера крымских татар принимать как данность сильную власть (кстати, эта черта во многом обеспечивала поддержку «меджлиса», который пользовался покровительством государственных органов США, дававших прямые указания украинскому руководству в отношении крымских татар. Теперь, когда «меджлис» лишился этого покровительства в Крыму, его поддержка крымскими татарами практически нивелирована).

Интеграционный вектор этнокультурной ориентации крымских татар выстраивает политические установки, которые носят в равной степени как пророссийский, так и протатарстановский характер. В последнем случае имеется в виду ориентация на Республику Татарстан в составе Российской Федерации. В этой ориентации и, соответственно, политической установке акцент делается на то, что крымские татары могут найти покровительство у руководства Татарстана и стать полноценной частью многомиллионного татарского этноса, второго по численности в Российской Федерации.

Нельзя исключать, что одной из мотиваций данной политической установки является и стремление использовать пример Татарстана для образования в Крыму ещё одной татарской республики, созданной по этническому признаку. В крайнем случае, этот мотив достаточно чётко обозначается некоторыми общественными организациями крымских татар, которые активно позиционируют себя и в политическом пространстве. Следует прогнозировать, что при сохранении ныне имеющихся политических тенденций в Крыму интеграционный вектор этнокультурной ориентации крымских татар будет усиливаться и, соответственно, будут упрочаться пророссийские политические установки. Такая политическая установка в настоящее время овладевает и крымско-татарскими чиновниками в органах государственной власти, даже если они по-прежнему ещё придерживаются изоляционистского вектора этнокультурной ориентации.

Анализируя этнокультурную ориентацию крымских татар, следует сказать и о некоторых тенденциях, пока слабо обозначенных, субкультурного позиционирования, связанного с крымско-татарскими этногруппами – ялыбойлинской, татлинской и ногайской. Есть и четвёртая этногруппа крымских татар – чингене (крымско-

татарские цыгане), но она слабо позиционирована в крымско-татарском сообществе, а её представители, в отличие от ялыбойлу или татлов (татов), стремятся идентифицировать себя в целом с крымско-татарским этносом.

Основные этнокультурные импульсы в данном измерении исходят от ялыбойлинцев и татлинцев. Этому есть, прежде всего, культурологические объяснения – и та и другая этногруппы претендуют на статус этнообразующего стержня крымских татар. Старый и, по сути дела, первый крымско-татарский литературный язык был создан Исмаилом Гаспринским на основе ялыбойлинского наречия тюркского языка. А ныне действующий литературный язык крымских татар создавался в 20-е годы XX века на основе татлинского наречия. В некоторой степени такое смещение акцентов привело к тому, что наследие Исмаила Гаспринского оказывается не в достаточной степени востребованным в современном крымско-татарском сообществе. И если в годы коммунистического режима это можно объяснить предубеждениями в отношении И. Гаспринского со стороны политической власти, то после развала СССР такие объяснения не работают.

Мотивы этнической унификации крымских татар вполне объясняются двумя источниками – внутренним и внешним. Внутренний источник исходит из того, что этническая мобилизация осуществляется как реакция на иноэтническое окружение, реализоваться в котором можно не малыми этногруппами, а объединившись, несмотря на субкультурные и даже расовые отличия. Внешний источник этнической унификации возникает вследствие политики центральной государственной власти, например, в 20-е годы в Крыму коммунистический режим проводил политику татаризации, устраняя имеющиеся этнокультурные отличия трёх отмеченных этногрупп. Собственно, такой подход был широко распространён в период существования СССР. Достаточно вспомнить, что русинам было отказано в праве на собственную этничность, когда они были записаны в ряды украинцев. (Однако это отдельная тема исследования, и здесь нет возможности её отдельно прописывать).

Можно предположить, что при достижении социального комфорта большинством крымских татар в новых российских условиях появятся возможности и для развития этнокультурной идентичности ялыболу, татлов и ногаев. Критерием такого этнокультурного развития может стать ощущение представителями этих этнических групп защищённости в рамках общего российского социокультурного пространства. Реализация таких тенденций, направленных на создание условий для развития самобытной этнокультуры ялыбойлинцев, татлов и ногаев, безусловно, будет способствовать и утверждению пророссийских или просто российских политических установок, когда российская социокультурная среда воспринимается как полиэтничное, поликультурное цивилизационное пространство и является таковой на деле.

Список литературы

1. Борисенок Е. Феномен советской украинизации, 1920 – 1930-е гг. – М.: Европа, 2006.
2. Крымскотатарское национальное движение. Том II. Документы. Материалы. Хроника / Ред. М. Н. Губогло, С. М. Червонная. – М.: ЦИМО, 1992 (Сер. «Национальные движения в СССР»).

3. Степанов В. В. Проблемы этнического сосуществования в Крыму // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение /Ред. Тишков В.А. – М.: ИЭА РАН, 1997. – С. 117 – 144.
4. Степанов В. В. Крым и крымские татары: историческая демография и современная этнополитическая ситуация // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Ред. Козлов С.Я., Чижова Л.В. – М.: Наука, 2003. – С. 330 – 357.
5. Бахтурина А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. – 264 с.
6. Rapoza Kenneth. One Year After Russia Annexed Crimea, Locals Prefer Moscow To Kiev // Forbes. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2015/03/20/one-year-after-russia-annexed-crimea-locals-prefer-moscow-to-kiev/>.
7. Мустафаев Ш. Е. Некоторые моменты этногенеза крымских татар // История и современность. – 2007. – № 1. – С. 206 – 207.

Filatov A.S. Features of Ethnocultural Relations in the Crimean Federal District Russian Federation
// Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 13-23.

The article analyzes the socio-political processes in the Crimea, which have an impact on the state of inter-ethnic and inter-confessional relations. It summarizes the main trends, provides recommendations on achievement of inter-ethnic harmony, strengthening of Russian civil identity, stabilization of social development. The author shows that in the framework of Russian social and cultural environment in the Crimea, were created conditions for ethnic and cultural expression of all ethnic groups living on the peninsula. The profound differences between ethnic Russian and symmetric (written in the metric) Ukrainians is almost non-existent in Crimea.

Consumer culture, mentality, ideological orientations, language, perception and communication, spiritual culture, religious affiliation of Russians and Ukrainians in Crimea are a single community. On this basis, in the Crimea should be treated two main ethnic and cultural groups - Russian and Crimean Tatar.

Currently, pro-Russian position of Russian ethno-cultural communities (including symmetric Ukrainians, as noted above) results fundamental and the dominant political structure of the Crimean Tatar social group. The system of ethnic and cultural guideline of the Crimean Tatars should be allocated into four vectors, two of which are sufficiently visible and, to some extent, natural, sociogenetic. Two others are rather simulated, artificial and socially weakly have presence in reality.

Key words: ethno-cultural relations, sub-ethnos, demographic, ethnic groups, Russian socio-cultural environment.

References

1. Borisenok E. Phenomenon of Soviet Ukrainization, 1920-1930-ies. – М.: Europe, 2006.
2. Crimean Tatar National Movement. Volume II. Documentation. Materials. Chronicle. / Ed. M.N. Guboglo, S.M. Chervonnaya. – М.: TSIMO 1992 (Ser "National-motions in the USSR").
3. Stepanov V.V. Problems of ethnic coexistence in the Crimea // Forced migrants: integration and return / Ed. V.A. Tishkov – М.: IEA RAS, 1997. – P. 117-144.
4. Stepanov V.V. Crimea and Crimean Tatars: Historical Demography and modern ethno-political situation // Turkic peoples of Crimea: Karaites. Crimean Tatars. Krymchaks / Ed. S.J. Kozlov, L.V. Chizhov – М.: Nauka, 2003. – P. 330-357.
5. Bakhturina A.Y. Policy of the Russian Empire in Eastern Galicia in the First World War. – М.: АИРО-XX. – 2000. – 264 p.
6. Rapoza Kenneth. One Year After Russia Annexed Crimea, Locals Prefer Moscow To Kiev // Forbes. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2015/03/20/one-year-after-russia-annexed-crimea-locals-prefer-moscow-to-kiev/>.
7. Mustafayev Sh.E. Some points ethnogenesis Crimean Tatars // History and modernity. – 2007. – № 1. – P. 206-207.